

В последний день каникул Шэнь Нянь по обыкновению сидел на перекрёстке и наблюдал за прохожими. Погода, впрочем, не задалась: хмурое небо нависло так низко, словно вот-вот готово было обрушиться проливным дождём. Промокнуть и заболеть не хотелось, поэтому он решил вернуться домой пораньше.

Едва он направился к автобусной остановке, как сзади его нагнали двое. Поровнявшись с Шэнь Нянем, они зажали его с обеих сторон. Поначалу он не придал этому значения — пока один из них не закинул руку ему на плечо.

— Эй, пацан, сойдём на пару слов?

До заторможенного разума Шэнь Няня только теперь дошло, что он в опасности. Но прежде чем он успел хоть как-то отреагировать, его уже заволокли в глухой переулок.

Уголок, где сидел Шэнь Нянь, был довольно тихим; он выбирал его именно из-за удобства — остановка рядом, ходить далеко не надо. Из-за ненастья прохожих было куда меньше обычного, иначе эти двое не действовали бы так вглубь. Но сдаваться без боя Шэнь Нянь не собирался. Он открыл рот, собираясь позвать на помощь, как тощий мужик опередил его: вытащил из кармана складной нож и ловко крутанул его между пальцев.

— Мелкий, давай без шума. Сами между собой всё решим, людей привлекать не стоит.

Шэнь Нянь уставился на лезвие. Как ни странно, страха не было. В голове даже мелькнула дикая мысль: а если его убьют прямо здесь, станет ли это избавлением? А если не убьют, но покалечат — может, хоть тогда кто-нибудь приедет, одарит теплом, позаботится? Если подумать, исход казался не таким уж плохим.

Увидев, что парень притих, грабители не стали тратить слов и сразу полезли по его карманам в поисках хоть чего-то ценного.

Они были местными шнырями без путного занятия. Шэнь Няня заметили давно: парень несколько дней подряд сидел один как перст — идеальная мишень. Таких подростков они видели немало. Родители в отъезде, оставляют какую-нибудь мелочь, а если тряхнуть — ни полиции, ни разборки не будет, потому что дома рассказать просто побоятся.

Вот только у Шэнь Няня не было привычки носить с собой наличные. Все деньги лежали на карте, которую дал Шэнь Чуншань, и снимал он их лишь по мере надобности. В карманах от силы валялась пара мелких купюр. Заберут — и ладно, Шэнь Няню было плевать. Даже если на проезд не останется, не страшно: можно и пешком дойти.

Тощий выгреб мелочёвку и недовольно цыкнул:

— И это всё?

Шэнь Нянь молчал. Мужик, не унимаясь, потянулся к правому карману. И тут Шэнь Нянь, до сих пор молча терпевший происходящее, вдруг дёрнулся и оказал сопротивление. Грабитель от неожиданности струхнул, но тут же с силой прижал его к стене и ткнул пальцем в грудь:

— Я кому сказал: не дёргайся!

Но Шэнь Нянь словно оглох. Он отчаянно вырывался и, даже получив пару тычков в спину, мёртвой хваткой вцепился в ткань кармана.

Там лежал телефон — подарок Лян Цю. Модель устаревшая, но какую-то копейку стоила. Дело было не в деньгах и не в самом аппарате. Шэнь Нянь просто не мог отдать последнюю вещь, полученную от Лян Цю. Этот телефон оставался единственной ниточкой, связывавшей их, единственным способом услышать его голос. Потерять его он не мог.

Он защищал его изо всех сил.

— У этого малого явно заныкано что-то стоящее! — сплюнул второй и с озлоблением ринулся набывчившись, намереваясь отнять добычу.

Шэнь Нянь был обычным школьником и противостоять двоим прожжённым шпанам не мог. Удар сапогом под дых выбил из него весь воздух. Боль пронзила рёбра, пальцы разжались. Грабитель уже протянул руку, чтобы выхватить желаемое, как за спиной раздался звонкий голос:

— Эй, совесть есть? Совсем сдурели — пацана вдвоём прессовать?

Те сначала дёрнулись, думая, что засекли взрослого, но, повернувшись, увидели лишь шкета — ростом даже ниже Шэнь Няня. Обоих разобрал смех.

— Мальчишка, не лез бы ты не в своё дело.

— А вы бы меня со счетов не сбрасывали.

Шэнь Нянь, прижатый к земле, поднял голову и увидел Гу Чжи. Тот аккуратно приставил к стене плетёный баул, с которым шёл, шагнул вперёд и на ходу подгрёб с земли полкирпича.

— Не знаю, хватит ли у вас кишки урыть меня, — процедил Гу Чжи, — но я вас точно до смерти зашибу. Мне своей жизни не жалко — давайте проверим, чья шкура крепче. Смелые?

Не успели те и глазом моргнуть, как обломок кирпича со свистом полетел прямо в них. Никто не ожидал от мальчишки такой бешеной прыти. Уклониться грабители не успели — один лишь вскинул руку, закрывая лицо, и кирпич со стуком врезался в предплечье. Рука моментально

заплыла дикой болью.

— Ах ты, сука мелкая!.. — взревел пострадавший, но Гу Чжи и не думал отступать.

Он нагнулся, подхватил ещё один тяжёлый обломок и сплюнул себе под ноги, словно оголтелый, а затем прямо на них и побежал.

Оба отморозка опешили от такой лютой дури. Порыв нападать как-то сразу угас. А когда Гу Чжи без раздумий замахнулся вторым кирпичом, шкуры у них окончательно сдали. Связываться с психованным никто не захотел. Переглянувшись, они бросили на землю скомканные купюры и дали дёру.

Напоследок один из них бросил дежурное:

— Ну держись, щенок, я тебя из-под земли достану!

Гу Чжи лишь презрительно фыркнул, даже не удостоив их взглядом.

Гопники сбежали, и в переулке снова воцарилась тишина. Гу Чжи мазнул взглядом по свинцовому тучному небу; на его лице на миг проступила тщательно скрываемая мука. И всё же он нагнулся, подобрал купюры и подошёл к Шэнь Няню, который, морщась от боли, только-только сумел сесть.

Гу Чжи протянул ему деньги.

Шэнь Нянь молча смотрел на него, не делая попытки забрать своё.

Гу Чжи, явно теряя терпение, не стал ждать реакции: швырнул скомканные бумажки ему на грудь, развернулся и пошёл прочь. Казалось, ему вообще всё равно, кого он спас. Взгляд его, холодный и отстранённый, скользнул по Шэнь Няню так, словно они не были знакомы.

Как по чужому человеку.

Впрочем, они и были чужими. Без общего дома их ничего больше не связывало.

Когда Гу Чжи подхватил свой баул, с неба упала первая тяжёлая, размером с монету, капля. Шэнь Нянь встал. Он отчётливо заметил, как вздрогнули плечи Гу Чжи. Лица его не было видно, но Шэнь Нянь слишком хорошо знал этот жест, чтобы понять: на лице Гу Чжи сейчас застыл дикий ужас.

В такую грозовую погоду Гу Чжи всегда до смерти пугался.

Гу Чжи ненадолго замер у стены, словно выжидая, не грохнет ли раскат грома, и лишь убедившись, что пока тихо, прибавил шаг к выходу из переулочка. Шэнь Нянь вышел вслед за ним, глядя ему в спину.

Дождь подступал всё сильнее. И хотя грома пока не было слышно, глухой далёкий гул заставлял Гу Чжи время от времени спотыкаться и цепенеть от страха.

Шэнь Нянь смотрел на него — сжавшегося, перепуганного, с опаской косящегося на темнеющие небеса в ожидании удара молнии. Он совсем не походил на того отчаянного, готового идти на смерть сопляка, который только что махал кирпичом в подворотне.

Так или иначе, Гу Чжи только что вытащил его из беды. Но Шэнь Нянь так и не сделал шаг навстречу. Не сказал «спасибо». Не протянул руку, чтобы поддержать его, когда тот дрожал перед надвигающейся бурей. Он просто повернулся и пошёл в противоположную сторону, словно ничего не заметил.

Словно они сегодня вовсе не встречались, словно и не было никакой опасности, а мимо прошёл обычный незнакомец.

Шэнь Нянь боялся заболеть лишь по одной причине: ухаживать за ним было некому. Всю немочь и слабость приходилось переносить в одиночку, а в последнее время у него просто не оставалось сил даже на это. Впрочем, мир устроен паршиво: чем сильнее ты чего-то избегаешь, тем вернее оно наваливается на тебя. Словно суровый рок нарочно проверяет, насколько ты хрупок, насколько одинок, и успокаивается лишь тогда, когда обломает последние острые углы.

У Шэнь Няня поднялся сильный жар. Он уже и не помнил, когда болел в последний раз, но так тяжело ему ещё точно не было. Приняв лекарство и выпив воды, он забился под тяжёлое одеяло в надежде, что пропотеет за ночь и к утру всё пройдёт. Но таблетки словно не действовали: голова трещала с такой силой, будто вот-вот расколется. Свернувшись калачиком, он стал тихо шептать себе, пытаясь успокоить:

«Сяо Нянь, спи... Заснёшь — и всё пройдёт, перестанет болеть...»

«Сяо Нянь, будь умницей...»

«Сяо Нянь, слушайся...»

«Засыпай, скорей засыпай...»

Он убаюкивал себя, гладил по плечу, но от этих уговоров стало лишь горше. Жар не спадал, боль не унималась. В голову даже закралась чёрная мысль: почему те грабители просто не всадили в него нож?

Может, тогда бы не было так больно?

Дождь за окном хлестал всё неистовее, барабанил по стёклам с оглушительным грохотом. Этот шум словно укрыл Шэнь Няня, дав ему защиту от внешнего мира. И в эту ночь, когда все слушали стрёкот дождя и никому не было до него дела, он наконец дал волю слезам и зарыдал:

— Больно... Мне так больно... Пожалейте меня кто-нибудь... Обнимите... Ну хоть кто-нибудь... Пожалуйста, хоть на секунду...

Но никто не пришёл. Лишь капли дождя стучали в его окно.

Шэнь Нянь плакал навзрыд, словно пытаясь выплеснуть всю накопившуюся за долгие годы обиду, горечь потерь и удушающее одиночество. Но ливень стеной заглушал его рыдания, запирая их в четырёх тесных стенах, откуда им не было выхода.

То ли лекарство наконец подействовало, то ли силы иссякли от плача, но в конце концов Шэнь Нянь забылся тяжёлым сном. Он спал, свернувшись калачиком — точно эмбрион в материнском чреве. Но едва разума коснулась мысль, что мать никогда его не любила и не ждала его появления на свет, как его снова пробил озноб.

Ледяной, невыносимый холод.

В полусне ему причудилась бабушка Цинь. Она вошла в комнату с чашкой горячей рисовой каши и ласково поманила его:

«Сяо Нянь, вставай, покушай. Встанешь, поешь — и болезнь как рукой снимет. Поешь и снова ляжешь, ну же, поднимайся».

Шэнь Нянь с трудом протянул руку. Кто-то сжал его пальцы, но это была не бабушка Цинь, а Лян Цю. Тот держал в руках баскетбольный мяч и, похоже, собирался позвать его на площадку. Но, разглядев, насколько бледным и измученным выглядит Шэнь Нянь, Лян Цю обеспокоенно бросил мяч и шагнул к нему, приложив ладонь к его лбу:

«Ты что, заболел? Горишь весь. Пойдём, я отведу тебя к врачу».

На самом деле Шэнь Нянь терпеть не мог уколы и всегда их побаивался, но, когда кто-то был рядом, страх отступал. И он послушно поплёлся за Лян Цю. Но едва они вышли из северного флигеля, как Лян Цю исчез. Шэнь Нянь остался один посреди маленького двора — в такой звенящей тишине, что слышал собственное дыхание.

Он звал Лян Цю — ответа не было. Звал бабушку Цинь — вокруг стояло всё то же безмолвие.

Он снова остался один. Никто не сварит ему каши, никто не отвезёт в больницу.

Ему хотелось вырваться из этого двора, но ноги точно налились свинцом. Он оказался в ловушке, откуда нет выхода.

Никто его не слышал, никто не пришёл на помощь.

Проснувшись на следующее утро, Шэнь Нянь долго смотрел в потолок, прокручивая в голове вчерашний сон и ночные рыдания. Всё это казалось призрачным, далёким и нереальным. Ему было тошно от самого себя — от той слабости, что он проявил, — но в то же время он понимал: именно тогда, ночью, он был настоящим.

Никакой стойкости в нём не было и в помине.

Он попытался встать — бок отзывался тупой болью. На месте вчерашнего удара сапогом расплзся тёмный синяк. Впрочем, Шэнь Няню было всё равно. Вчера он готов был шагнуть в небытие, так стоит ли переживать из-за какого-то ушиба?

Жар, похоже, спал не до конца: едва ноги касались пола, голова кружилась, и он едва не рухнул на ковёр. Переведя дух и убедившись, что может стоять, он побрёл умываться. Надо было идти на занятия.

Не потому, что учёба была так важна, просто оставаться дома в одиночестве становилось невыносимо — он бы сошёл с ума.

Надо было согласиться на общежитие. Там хотя бы слышны чужие голоса — пусть шумные, пусть чужие, но живые.

За время каникул и после внезапной болезни Шэнь Нянь замкнулся в себе ещё сильнее. Он мог часами сидеть, уставившись в одну точку, на уроках постоянно витал где-то далеко. На первой же проверочной работе он, всегда входивший в число лучших учеников, даже не успел дописать ответы.

Учитель пытался поговорить с ним, но Шэнь Нянь не знал, что сказать. Педагог хотел вызвать родителей, но даже до Шэнь Чуншаня дозвониться было невозможно.

Какое-то время учитель проявлял участие, постоянно находился рядом, но откровенного разговора так и не вышло — Шэнь Нянь просто не умел делиться тем, что у него на душе.

Он и сам видел, что с ним происходит неладное. В школе он молчал и замирал истуканом, дома

не мог проглотить ни куска, а по ночам мучился бессонницей. От гнетущей тишины у него, кажется, начались галлюцинации: стоит закрыть глаза, как чудится, будто кто-то шепчется над ухом.

Когда же он понял, что так дальше жить нельзя? В ту ночь, когда внезапно осознал, что вслух разговаривает с пустотой — задаёт вопросы и сам же на них отвечает.

Именно тогда до него дошло: он болен. И если не взяться за себя, эта болезнь разрушит его до основания.

Шэнь Нянь повторно подал заявление на проживание в общежитии. Классный руководитель одобрил его почти без лишних расспросов: за эти недели он успел понять, в каком аду живёт парень, и перевести его поближе к школе казалось единственным верным решением.

Правда, быстро оформить документы не получалось. Учитель попросил подождать несколько дней. Шэнь Нянь лишь тихо ответил:

— Я не тороплюсь.

Ожидание затянулось. Прошло полмесяца, а новостей всё не было. Наступал ноябрь. Небо сутками стояло серое, давящее; одноклассники болтали, что, судя по прогнозу, скоро выпадет снег.

Шэнь Нянь посмотрел в окно и вспомнил снегопад на прошлый Новый год.

Пришлось признать: когда долго остаёшься один, в память начинают лезть самые разные люди. Даже те, кого не любил или когда-то терпеть не мог.

В тот день после уроков Шэнь Нянь снова уходил последним. Но, в отличие от прошлых дней, у ворот Тростникового переулка его кое-кто ждал.

<http://bllate.org/book/20601/2149313>